

Марина Ветрова

ИСКУССТВО
ЛЮБОВЬ
СВОБОДА

Le Chat Noir

*Жду тебя.
Свадьба будет
роскошной...*

~~РАЗВОД~~ С ПРЕДАТЕЛЕМ.

МОЯ МЕСТЬ
ДОРОЖЕ МИЛЛИОНОВ

Марина Ветрова

Развод с предателем. Моя месть дороже миллионов

<https://litres.ru/74619583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой бывший муж прислал мне приглашение на собственную свадьбу. Вместо открытки — салфетку, которой я вытирала слёзы в день развода.

Он уверен, что уничтожил меня. Забрал репутацию, друзей и бесценную коллекцию картин, которую я собирала годами. Теперь собирается подарить мои сокровища молодой любовнице.

Но я больше не та женщина, что плакала из-за его предательства.

У меня есть доказательства, собственная галерея и неожиданная поддержка Эдуарда Готлиба — сурового миллиардера, перед которым склоняются даже самые влиятельные люди города.

Бывший хотел увидеть моё унижение.

Вместо этого он увидит моё триумфальное возвращение. И мужчину, рядом с которым я снова научусь любить и быть собой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Ветрова

**Развод с предателем. Моя
месть дороже миллионов**

Развод с предателем. Моя месть дороже миллионов
Марина Ветрова

Глава 1

Я объясняла коллекционеру Аркадию Викторовичу нюансы мазков на «Безымянной» Коровина, когда за спиной затопали. Обернувшись, я увидела курьера и мокрый след от его ботинка у самой стены. Он затормозил перед картиной и сунул мне конверт: — Подпишите. VIP-доставка. Личная.

Аркадий Викторович поднял бровь. Обычно я извинялась за такие помехи и возвращала его к картине, но сейчас даже вопрос пришлось бы переспросить. В ушах гудело. От крафтового конверта, который курьер сунул мне под нос, пахло «Black Orchid». Толя перестал пользоваться им три года назад. Значит, ради этой доставки достал старый флакон. Меня затошнило.

Я вырвала конверт из рук парня. Пальцы дрожали, и я ненавидела себя за это. Ногтем, покрытым матовым черным лаком, я вскрыла печать. Рванула ногтем поперек сгиба и порезала край пальца. Бумага затрещала, и этот звук показался мне оглушительным в полупустом зале.

Внутри не было открытки. Там была салфетка. Обычная, белая, с тисненым логотипом нашего общего ресторана «Le Chat Noir». На углу засохло пятно кофе. Я расправила бумагу и вспомнила, как мяла ее под столом в «Le Chat Noir», пока Толя объяснял, что развод обойдется нам дешевле совместной жизни. Потом пошла в туалет, стерла тушь и выбро-

сила салфетки. Он ее подобрал. Дождался, пока я отвернусь, полез в урну — и сохранил. Восемь лет рядом с этим человеком, а представить его за таким занятием я смогла только сейчас.

Под салфеткой лежала визитка. На обороте, аккуратным почерком Толи, который всегда был идеален, даже когда писал гадости, значилось: «Для ностальгии. Жду тебя. Свадьба будет роскошной. Твои картины тоже. P.S. Сохрани платье. Тебе идет красный».

Я отступила к стойке: на витрину с миниатюрами сейчас было проще смотреть, чем на клиента. Хотелось снова выбросить эту гадость. Но при Аркадии Викторовиче? Он потом перескажет всё жене, та — своим подругам. Сложила бумагу пятном внутрь и убрала в жакет. Край зацепился за подкладку; я протолкнула его поглубже. Теперь у меня есть и визитка, и салфетка. Если Толя решит сказать, что я выдумала приглашение, покажу обе.

— Сабина? Вы в порядке? Аркадий Викторович все еще ждал у картины. Он понизил голос и посмотрел на конверт. За четверть часа до доставки мы почти договорились о цене. Сейчас он вполне мог передумать: у разведенной Ковалёвой дела плохи, значит, можно еще поторговаться. Я отложила конверт за каталог, чтобы не видел, и снова повернулась к картине.

Застегнула жакет и взяла каталог с заложенной страницей. Край конверта еще выглядывал; задвинула его глубже.

— Деловая переписка, Аркадий Викторович. К нашей покупке отношения не имеет. Я раскрыла каталог и показала левый угол репродукции. — Здесь рассвет почти пропал. А на холсте видите? Ради этого и стоило приехать. — Вижу. Только цена за рассвет... — Мы ее уже обсудили. Доставка моя. Он снова посмотрел на холст. Торговаться сейчас нельзя. Уступлю — заметит, как легко меня сегодня прижать.

Он попросил еще раз показать репродукцию. Я подошла к картине вместе с ним — сравнить цвет было удобнее вблизи. Аркадий Викторович приблизился к раме. Я вернулась к цене, потом к условиям доставки. Пальцы еще дрожали, но он уже обсуждал со мной покупку.

У входа пришлось задержаться, пока курьер разворачивал фургон. Под ноябрьским дождем я уже пожалела, что не взяла зонт. Направилась к черному седану, доставшемуся мне при разделе. Спорткар Толя забрал себе. Но путь преградила Валентина Штерн. Редактор светского глянца пришла без зонта, но с телефоном в руке. Волосы под платком оставались сухими; значит, она ждала где-то под крышей и вышла, когда увидела меня.

— Сабина! — ее голос звенел, как колокольчик. — Я слышала, ты получила приглашение? Говорят, Толя женится на Богдане. Инфлюенсерше. «Невеста года», как они там себя называют? Ты идешь? Будешь танцевать первый танец с бывшим мужем? О, какая драма!

Она уже нажала запись. Я посмотрела на телефон, потом

на ее лицо: хотя бы предупредить не сочла нужным. Осталась у дверцы машины и натянула перчатку на пальцы. Пусть получит ответ, раз так долго караулила. Только не тот, за которым пришла.

— Валентина, — произнесла я ровно, глядя ей прямо в нарисованные ресницы. — Я буду там единственной, кто знает цену этому браку.

Валентина ждала, держа телефон у моей дверцы. Я уже взялась за ручку, но добавила: — Интервью дам. Только после того, как увижу платье невесты. Если оно стоит меньше моих картин, разговор будет коротким. Если больше... тогда нам есть что обсудить.

Я села в машину и закрыла дверь. Щелкнул замок. Я проверила, заблокированы ли остальные двери. Она постучала пальцем по стеклу: я еще не закончила. Я показала на дорогу и завела мотор. Моего плача в ее записи нет. Слова про цену она может поставить куда угодно; мне даже хотелось увидеть, какой заголовок придумает.

Телефон зазвонил, как только я вырулила на проспект. Экран показывал имя: Геннадий (общий друг). Я ответила, включив громкую связь, пока руки уверенно вели машину сквозь поток.

— Саба, ну чего ты дуешься? — начал Геннадий своим вечно виноватым басом. — Ну да, Толя поступил... специфично. Но он же просил передать, что хочет сохранить нормальные отношения. Ради детей, ну... то есть, ради стату-

са. Он говорит, что без тебя свадьба будет неполной. Ты же понимаешь, свет требует жертв. Не устраивай сцен. Просто приди, пожелай счастья и уходи.

«Ради детей». Их не было. Три года попыток, две неудачные беременности, которые стали причиной нашего молчаливого распада, а потом и громкого развода. Геннадий даже не заметил, что сказал. А я снова сжала руль, как в день, когда ехала из больницы одна.

— Геннадий, — перебила я, и мой голос прозвучал удивительно спокойно. — Ты видел, что он прислал? Салфетку из урны. На ней я тушь вытирала, когда он потребовал развода. Геннадий попытался перебить. — Нет, послушай. Он знал, что ты позвонишь и попросишь меня улыбаться на его свадьбе. Иначе тебя в следующий раз не пригласят, да? — Саба... — Я не «дуюсь». Я считаю деньги. А приглашением этот мусор не называй.

Геннадий помолчал, потом начал: «Ну зачем ты так...» Я сбросила вызов. Выдохнула и впервые за всю дорогу ослабила хватку на руле. Он услышал меня. Дальше пусть сам решает, как передать это Толе.

Дом встретил меня холодом. Квартира, которую мы делили восемь лет, теперь принадлежала мне по договору раздела имущества, но воздух в ней оставался чужим. Запах табачного дыма, въевшийся в тяжелые бархатные шторы гостиной, ударил в ноздри. Я вчера проветривала, но запах снова вернулся. Значит, дело в шторах. Восемь лет он курил у окна, а

я просила выйти на балкон. Теперь можно убрать портьеры и ни у кого не спрашивать, не испорчу ли интерьер.

Я прошла в гостиную и посмотрела на шторы. Красный бархат. Толин выбор. «Элегантно», говорил он. «Удушающе», думала я. Вино стояло в кухонном шкафу; даже открывать его было лень. Нашла номер клининга, начала звонить и остановилась до первого гудка. Придут, будут обсуждать грязные окна, спрашивать, куда поставить Толино кресло. Сегодня я больше не хотела разговаривать с людьми.

Я сняла жакет, оставшись в тонкой блузке. Засучила рукава. Первый крючок застрял в карнизе. Я потянула сильнее, он отлетел, и портьера наконец свалилась мне на руки. Пыль попала в рот. Чихая, дотащила ткань к двери. Потом двигала кресла — одно оказалось тяжелее, чем помнила. Диван развернула к окну, у ваз нашла коробку. Подходили к цветам стен, говорил Толя. Теперь подойдут к коробке. Я вытерла лоб рукавом и проверила, что еще осталось на виду. Спину ломило, а у двери уже некуда было поставить еще одну коробку. Открыла окно настежь. Пусть выстудит комнату, лишь бы к утру не пахло его сигаретами.

Присела рядом с коробками: стоя уже не могла разобрать мелочь. Под журналами по архитектуре нащупала папку. Склеенный скотчем край пришлось подцепить ногтем. Вспомнила, что сама убрала ее под журналы, когда освобождала полку для Толиных бумаг.

Внутри лежали документы. Полисы на картины. Бумага

пожелтела у сгиба, но номера читались. Эту коллекцию он и обещал выставить на свадебном аукционе. Я разложила листы на освобожденном полу: теперь его подарки можно было проверять по списку. Я развернула первый лист. Дата оформления: 14 мая 2019 года. Регистрация брака с Анатолием Ковалёвым: 3 сентября 2019 года.

Я перечитала строку. Выгодоприобретатель: Сабина Ковалёва. Рядом лежали копии договоров покупки, заверенные у нотариуса. Те же названия, те же инвентарные номера. Май, а не сентябрь. Я покупала эти работы до свадьбы — на свои деньги. Одного полиса для суда мало; нужны оригиналы договоров. Но Толя ведь знал, что они существуют. И всё равно послал мне это приглашение.

Я разложила листы по датам. Завтра понесу их юристу.

Прижала папку к груди. Уже улыбалась, хотя еще минуту назад хотела просто лечь на пол и уснуть. За окном стемнело; включила настольную лампу и прочитала номер полиса еще раз. Ни одна цифра не изменилась. Телефон на полу рядом со мной завибрировал. Экран вспыхнул уведомлением от секретариата нотариальной конторы: «Документы по делу №402 готовы к выдаче. Просьба подтвердить получение».

Дело №402. Дело о разделе имущества. О возврате активов.

Я взяла телефон, посмотрела на часы. В конторе уже никто не ответит. Я поставила напоминание на утро. Завтра теперь было ради чего встать. В темном окне отражалось мое

лицо — бледное, с размазанной под глазом тушью. Жакет с салфеткой лежал на спинке кресла. Я забрала из него визитку Толи и положила рядом с договорами.

— Приходи, Толя, — сказала я и прижала визитку его же полисом. — Посчитаем вместе.

Глава 2

На лацканах пальто собрались мелкие капли. Я отряхнула их ладонью, пока стояла у ворот: охранник уже второй раз просил подождать. Сжимала крафтовый конверт; бумага уже отсырела в ладони. Внутри лежала присланная Толей салфетка из «Le Chat Noir» — с засохшим пятном от кофе. «Для ностальгии», — написал он на визитке. Он всегда исправлял даже подписи на поздравительных открытках. На эту визитку тоже потратил время. Чтобы я рассмотрела каждую букву.

Охранник стоял между мной и калиткой. Проем широкий, но обойти его я бы не смогла; пришлось остановиться почти у самой дороги. — Список гостей сверяется через секретаря госпожи Богданы, — буркнул он, глядя в свой планшет. Когда я показала конверт, он даже голову не поднял. — Вас там нет.

Я сунула конверт обратно в сумку. Довольно. Пусть Толя сам объяснит, почему меня пригласили к закрытым воротам. Я достала телефон. Палец завис над именем «Анатолий». Нажать было страшно. Он возьмет трубку. Охотно. Еще и попросит повторить, если голос дрогнет.

Гудки шли долго. Охранник успел зевнуть и прикрыть рот кулаком. Я отвернулась к дороге, чтобы не видеть его, пока шли гудки. — Алло? — голос Толика был бархатным, лени-

вым. Он был дома. Рядом с ней. — Это Сабина, — сказала я громче, чем нужно, так, чтобы охранник услышал. — Я на воротах. Твой «секретарь» утверждает, что меня нет в списке. Хотя приглашение пришло на мое имя. Пауза. Слышался шорох ткани, смех женщины на заднем плане. Резкий, высокий смех Богданы. — Сабиночка, дорогая, ты же знаешь, как эти девочки путаются в бумагах. Проходи. Я жду тебя в гостиной. Не опаздывай к фотосессии. Он положил трубку раньше, чем я успела сказать хоть слово. Охранник посмотрел на меня с новым интересом: смесь презрения и любопытства. Он распахнул створку ворот. — Проходите. Только без лишнего шума.

Я шагнула внутрь. У входа стояли свежие розы, а из гостиной тянуло лаком: паркет опять полировали к приезду прессы. Паркет скрипнул под моими туфлями — тем самым звуком, который я помнила годами. Я знала, на какой планке он скрипнет, и всё равно вздрогнула.

На диване лежали образцы тканей, у роз висилась коробка с бокалами. Я узнала сладкие духи Богданы раньше, чем увидела ее саму. Богдана сидела среди образцов и листала планшет. Убрала его на диван и подняла глаза. Улыбнулась так широко, что я сразу оглянулась: где фотограф? — Сабина! Ты пришла! Мы так волновались, вдруг ты обидишься... Она встала, подошла ближе, коснувшись моего плеча легким, почти невесомым касанием. Я вздрогнула, отшатнувшись назад. — Ты выглядишь уставшей, дорогая, — про-

шептала она, оглядывая мой силуэт сверху вниз. — Может, стоит примерить что-то другое для свадьбы? У нас есть платье, которое отлично скрывает... ну, возрастные особенности фигуры. Мне подсказали стилисты, что это твой размер. Сейчас все любят «винтаж», если правильно подать. Она потрогала пуговицу моего пальто. Я отодвинула ее руку. Еще скажет, что пальто тоже Толя купил. За ее спиной над диваном висела репродукция, которой раньше здесь не было. — Спасибо, я уже одета. А вот это над диваном... Я показала на сетку трещин у рамы. — Если состаривали специально, мастер старался зря. Если само потрескалось — проверь вентиляцию. Платье можешь примерять сколько угодно, а картинам сырость противопоказана. Богдана обернулась. Теперь хотя бы перестала трогать мои пуговицы. Богдана бросила взгляд на растрескавшуюся краску и отступила. Улыбнулась она уже с усилием. — Ты всегда была такой... педантичной. Толик говорит, это бесит.

Я отвернулась и пошла дальше, вглубь дома. Гостиная переходила в парадную залу, где висела коллекция. Моя коллекция. Возле каждой работы когда-то стояла я — выбирала раму, спорила с развесчиком, добивалась другого угла света. Сейчас на стене появились новые таблички. Я подошла ближе к первой: мое имя с нее убрали.

Мой взгляд упал на «Ночной портрет» Верещагина. Работа, которую я купила на свои первые большие деньги, когда мы еще были семьей. Я подошла ближе. Рама была переве-

шена чуть ниже обычного уровня, под углом, чтобы скрыть глубокую трещину в верхнем углу полотна. Или это была замена? Я потянулась к раме, собираясь чуть повернуть ее к свету и рассмотреть край трещины. — Не трогай мои активы. Голос раздался совсем рядом. Анатолий вышел из-за колонны и схватил меня за запястье. Я успела опустить руку от рамы, но его пальцы уже сжимались. Из-под манжеты выглянули часы, которые я подарила на годовщину. Само запястье он повернул к себе. Я попробовала освободить руку, пальто натянулось у локтя. Толя приблизился, чтобы говорить мне в ухо. Пришлось откинуть голову: запах его одеколона сейчас был слишком сильным. — Ты забыла свое место, Сабина, — прошипел он мне в ухо, так, чтобы слышали только мы. — Здесь нет твоих картин. Есть мои деньги. И моя невеста. Если ты хочешь сохранить лицо перед прессой, убери руки. Я шагнула на него плечом и выдернула руку. Рукав скрутился, под ним проступила красная полоса. Покажу фотографу, если захочет узнать, как хозяин встречает бывшую жену. Толя тоже оглянулся на дверь, но еще продолжал стоять между мной и картиной. — Лицо? — я усмехнулась, хотя губы дрожали. — Оно у меня было всегда. А вот совесть ты потерял вместе с чеками за эти работы. Толик хмыкнул и поправил манжету над подаренными мной часами. Я убрала руку в карман, чтобы он больше до нее не дотянулся.

Из-за двери в холле послышался гул голосов. Фотографы, журналисты светской хроники. Они ждали момента. Жда-

ли скандала. — Вы пришли просить прощения? — крикнул кто-то из толпы, просочившейся в анфиладу. Камеры защелкали. Кто-то попросил меня повернуться к свету. — Это попытка вернуть мужа? — второй голос, ехидный, женский. У выхода уже не было свободного прохода. Парень с камерой шел мне навстречу, справа женщина поднимала телефон. Я отступила к раме — ближе нельзя, задену картину. Попросила журналистку убрать телефон от моего лица. Я выпрямила спину. Подбородок вверх. — Деловая встреча по поводу предстоящего аукциона, — произнесла я ровно, не повышая голоса, но четко. — Вопросы о личной жизни остаются за кадром. — А про свадьбу? — не отставала журналистка. Я повторила: вопросы о личной жизни за кадром. Она оглянулась на Толю, ожидая, не добавит ли он что-нибудь. За спиной щелкнула еще одна камера. Хотелось закрыть лицо рукой, но тогда именно эту фотографию и напечатают. Я огляделась, ища выход из анфилады. Дверь библиотеки стояла приоткрытой — туда пока никто не направлял объектив.

Когда шум немного стих, я проскользнула в приоткрытую дверь библиотеки. Внутри пахло старой бумагой, кожей и пылью. Этот запах успокаивал. Здесь, среди стеллажей, я снова была собой. На письменном столе, заваленном документами, лежала открытая папка. Толик обсуждал по телефону условия передачи коллекций. Говорил где-то в глубине дома, достаточно громко, чтобы я расслышала слово «аукцион». Список на столе он даже не прикрыл. Раньше при по-

сторонних убирал бумаги сразу.

Я могла уйти. Могла вернуться в реальность, где меня ждут камеры и злые языки. Сумку прижала к боку и подошла к столу. Если в папке есть мои названия, я должна их увидеть. Я взяла первый документ. Список активов. Названия картин, суммы оценки, даты покупки. Все было переписано на имя «Ковалёв А.Т.» с пометкой «корректировка налоговых обязательств». Листая страницы, я искала слабое звено. Что-то, что он упустил. Неверная дата? Пропущенный платеж? Шаги за спиной. Тяжелые, уверенные. Я обернулась. Толик стоял в дверях. Телефон в руке. Он улыбнулся мне и облокотился о косяк. Когда-то я радовалась этой улыбке: значит, с работы пришел довольный. Сейчас смотрела на его свободную руку — не потянется ли опять к моему запястью. — Я знал, что ты не сможешь удержаться от любопытства, — сказал он мягко, подходя ближе. — Ты всегда была слишком эмоциональной для бизнеса. Эмоции мешают видеть реальность. Он выхватил папку из моих рук. Угол листа царапнул мне палец. Я разжала руку: рвать документ нельзя, он потом свалит это на меня. — Хватит игр, Сабина. Ты выглядишь жалко. Презрение в его глазах было абсолютным. Он прижал папку к груди, а я осталась с пустыми руками. Даже сфотографировать лист не успела. Теперь он расскажет гостям, что застал меня за своим столом. И я сама дала ему повод.

Развернувшись, я направилась к выходу. Список названий крутился в голове, а дату последнего листа я никак не могла

вспомнить. Локтем задела вазу с розами. Вода попала на ковер. Я машинально потянулась поправить вазу, но Толя стоял в дверях, так что оставила ее боком. Убирать за ним сегодня не стану. В зеркале напротив входа я увидела своё отражение. Бледное лицо, потекшая тушь — не от слез, а от напряжения, от жары в этом душно-богатом доме. За моей спиной в зеркале стояла Богдана. Она разгладила волосы над ухом и смотрела, когда я повернусь. Я протерла пальцем угол глаза. Пусть ждет — мне сначала нужно убрать потекшую тушь.

У зеркала я остановилась. На последнем листе, который я успела мельком увидеть, стоял знакомый номер. «Страховой полис №4589/Б. Застрахованные объекты: коллекция живописи. Страхователь: Ковалёв А.Т. Выгодоприобретатель: ...» Имя было закрыто его ладонью. Зато номер полиса я успела прочитать: 4589/Б. Такой же лежал у меня дома. И дата та же — май 2019-го, за несколько месяцев до свадьбы. Нужно сверить его список с моими договорами. Полис связывал бумаги между собой, но собственность придется доказывать покупками. Я повторила номер про себя, чтобы не забыть, и нашла в сумке телефон. Пусть Толя считает, что выгнал меня ни с чем. Номер я унесла.

Я вышла на улицу. Дождь усилился, хлестал по лицу, смывая остатки чужого запаха. Холодный воздух ударил в легкие, освобождая голову. Телефон в кармане завибрировал. Один короткий сигнал. Неизвестный номер. Сообщение.

ние: «Он боится не тебя. Он боится даты на полисе. Ищи нотариуса Никольского. — Г.»

Я остановилась посреди мокрого асфальта, глядя на экран. Сердце пропустило удар. Откуда он знает? Кто этот «Г»? Я записала Никольского в поиск по контактам. Пусто. Зато нашлось вчерашнее уведомление нотариальной конторы. Теперь нужно узнать, связан ли он с делом №402. Я подняла воротник пальто и зашагала прочь от особняка. Туфли шлепали по лужам, ритмично, как молот по наковальне. В машине я записала номер полиса. Потом добавила имя Никольского. Домой. Сначала — папка, которую я нашла вчера.

Глава 3

Телефон вибрировал на стеклянной столешнице моей новой студии на Набережной. Здесь еще не все было готово, но старую галерею я уже оставила. На экране — «Style». Главный редактор глянца, где я когда-то была не просто дилером, а частью пейзажа. После вчерашних камер я ждала звонка из редакции. Но когда он наконец раздался, кофе так и остался у меня в руке, не донесенный до губ.

— Сабина? — голос Веры был сладким, как отравленный торт. — Мы готовим материал о «разводе года». Есть инсайды: ты устроила скандал на вечеринке Ковалёвых, пытаешься сорвать помолвку. Это правда? Или это нервный срыв бывшей жены, которая не может отпустить статус?

Чашка звякнула о блюдце. Я придержала ее свободной рукой и замолчала, пока Вера перечисляла слухи. Как хочется ответить ей матом. Она, наверное, только этого и ждет: запишет, вырежет два слова и поставит в заголовок.

Поставила кофе на стол и открыла камеру телефона. Сняла новую стеклянную вывеску. С первого раза засветилась буква, пришлось отойти на шаг. На втором снимке название читалось целиком.

Отправила фото Вере одним сообщением. С короткой подписью: «Вера, это моя новая галерея. Про открытие поговорю. Про нервный срыв — с тем, кто сообщил тебе эту

новость».

Вера ничего не ответила, хотя прочитала сразу. Я положила телефон на диван. Чашку взяла двумя руками: кофе уже остыл, но хотя бы перестал расплескиваться. Ссылку на приглашение ей пришлю, когда утвердим время.

Час спустя позвонила Лена. Моя дизайнер интерьеров. Та, кто делала ремонт в доме Анатолия, пока он считал мои деньги и строил планы на жизнь с Богданой.

— Саби, я не могу, — её голос звучал виновато и одновременно расчетливо. — У меня контракт с женихом... то есть с Богданой. Они хотят тот же стиль для свадебного зала. Если я буду возиться с твоей галереей сейчас, они разорвут договор. Ты понимаешь? Мне нужно кормить семью.

Понимаю. Как никто другой. На столе лежали Ленины образцы тканей. За них я уже заплатила. А до первого показа оставались сутки.

— Лен, — сказала я ровно. — Скинь мне эскизы. Все, что мы обсуждали для входной группы. Прямо сейчас.

— Но мебель... поставщики уже согласны...

— Забудь про поставщиков. Я забираю свои идеи. А ты иди клеить обои на чужую жизнь. И запомни одно: когда будешь выбирать цвет для стен их спальни, не используй мои эскизы. За них заплачено. И копия договора у меня есть.

Лена не ответила. Сбросив вызов, я прошла по залу: здесь должна была стоять ее софа, здесь кресла. Никто из гостей от отсутствия кресел не умрет. Я сама буду встречать

их у входа и сразу вести к работам. Хуже было со светом — его пришлось бы доделать сегодня, с Леной или без нее.

Я засиделась до темноты. Соседний офис давно погасил вывеску, а на моем столе всё еще лежали образцы тканей.

В главном зале еще не было мебели. Триста квадратных метров бетона, голого кирпича и запаха пыли. Свет люминесцентных ламп бил по глазам, подчеркивая каждую трещину, каждый необработанный шов. Вблизи трещина на колонне выглядела тонкой; от входа — так, будто штукатурка вот-вот рухнет. Я посмотрела еще раз из дверей. Завтра сюда придут люди, привыкшие к залам «Метрополя». Что они скажут об этом бетоне?

«Кто ты такая?» — шептал внутренний голос, похожий на голос Анатолия. «Просто бывшая жена. Никому не нужная коллекционерка чужих ошибок. Тебя засмеют. Ты опозоришься. Лучше закрыть дверь и лечь спать».

Прислонилась к колонне. На рукаве осталась пыль; нужно было отряхнуть, но мне даже руку поднять не хотелось. Позвонить Лене, сказать: делай их свадьбу, я подожду? Вера тогда получит свой заголовок. А Толя пришлет еще одну салфетку.

Включила музыку и прибавила громкость. Под нее легче было двигаться; заодно перестала слышать собственное хождение по пустому залу.

Я взяла валик. Макнула в краску — глубокий, почти черный графит. Начала с полосы рядом с колонной. Валик сра-

зу оставил наплыв, пришлось размазать. Я повторяла движение сверху вниз, пока не перестала думать о Лене. Как мне надоели чужие одолжения. Эту стену я покрашу сама, пусть потом хоть лупу приносят.

Краска капала на пол. Мои руки были в черном, как будто я испачкалась в нефти. Волосы прилипли ко лбу. На втором метре я уже знала, сколько краски брать, чтобы она не капала по локтю. Стена под графитом выглядела лучше. Отходила, проверяла полосу и снова бралась за валик. У валика сломалась ручка. Выругавшись, я обмотала ее скотчем и докрасила полосу до потолка. Уже хотелось посмотреть, как стена высохнет, а не сбежать отсюда.

Утро встретило меня запахом свежей краски и тишиной. На пороге галереи лежал букет. Белые розы. Идеальные, дорогие, безупречно свежие. Рядом — карточка с золотым обрезом. Почерк Анатолия. Тот самый, которым он подписывал чеки на мои покупки, прежде чем они становились его собственностью.

«Не позорься. Отмени открытие, пока не поздно. Я могу помочь с долгами. Ты знаешь, я всегда был великодушен к тем, кого любил».

Я прочитала про долги второй раз. Накануне он назвал меня нищей при фотографах; сегодня поможет, если отменю открытие. И всем объяснит, что бывшая жена без него ни на что не способна. Подпись поставит такую же красивую.

На карточке стояла подпись, знакомая мне по банковским

бумагам. Я стиснула стебли, и шип проколол ладонь.

Подхватив букет за стебли, я вышла на улицу. Контейнер для мусора стоял у служебного входа. Грязный, вонючий, настоящий. Я бросила туда белые цветы. Пленка зацепилась за край контейнера. Я протолкнула ее внутрь вместе с цветами.

Записку я не выбросила. Я положила её на стойку ресепшена, прямо рядом с журналом для гостей. Если Лена все-таки явится со своими образцами, первым делом увидит карточку. Может, тогда перестанет объяснять, какой он хороший заказчик. Я разровняла ее рядом с журналом и вытерла уколотую ладонь бумажным полотенцем.

Вернувшись в зал, я увидела фигуру у окна.

Он стоял спиной ко мне. Высокий, широкий в плечах силуэт в темном пальто. Эдуард Готлиб.

Сердце пропустило удар. Я приглашала его на предпремьерный показ, но до начала оставался час.

Эдуард медленно повернулся. Его глаза были серыми, как сталь на заводе. Он посмотрел сначала на мой испачканный рукав, потом на стену. Я приготовилась услышать замечание: действительно, край возле розетки получился кривой.

Он прошел мимо картин, которые я успела повесить. Мимо витрин. Он шел по центру зала, касаясь кончиками пальцев необработанных краев стен, где краска еще сохла.

Тишина между нами была невыносимой. Я чувствовала себя школьницей на экзамене, к которому не готовилась. Я ждала критики. Ждала насмешки. Ждала, что он скажет:

«Это выглядит дешевым», «Это выглядит отчаянным».

Он остановился напротив меня. Разница в росте заставила меня поднять голову. От пальто тянуло холодом. Он был так близко, что я разглядела седые волоски у виска. Вдруг стало неловко за свою измазанную блузку.

— Здесь пахнет войной, — сказал он тихо. Его голос был низким баритоном, который вибрировал в воздухе.

Я молчала, ожидая продолжения. Осуждения.

— Мне нравится, — добавил он.

И достал из внутреннего кармана визитницу. Вынул свою карточку и положил на стойку, подальше от пятна краски.

— Зарезервируй мне три места на большом вернисаже. Хочу посмотреть, как ты будешь драться.

Я смотрела на его руку. Крупные пальцы, коротко стриженные ногти. Эта рука могла раздавить меня. Или защитить. Я оторвала взгляд от его руки. Он заметил это и чуть усмехнулся.

— Спасибо, — выдохнула я.

Он кивнул и развернулся, собираясь уйти.

Зазвонил мой телефон. Номер незнакомый. Я подняла трубку.

— Сабина? — мужской голос, сухой, канцелярский. — Я юрист господина Ковалёва. Мы направляем вам судебное предписание. В связи с имущественными спорами фамилии Ковалёвых, любая коммерческая деятельность под брендом, ассоциирующимся с бывшим мужем, временно приостанав-

ливается. Также проверяются старые договоры аренды. Полиция будет опечатывать вход через двадцать минут.

Кровь отхлынула от лица. Двадцать минут. Мой бренд сменился месяц назад. Старые договоры были закрыты. Это блеф. Чистый, грязный блеф, чтобы запугать меня, остановить поток клиентов, создать скандал.

Я посмотрела на Эдуарда, который уже был у двери. Он обернулся. Видел мое побледневшее лицо.

— Проблемы? — спросил он.

— Юристы Анатолия. Требуют закрыть галерею. Опечатать вход.

Эдуард усмехнулся. Холодно. Коротко.

— Дайте мне трубку.

Я протянула телефон. Он взял его, не отводя от меня взгляда. Поднес к уху.

— Алло. Готлиб слушает. Переключите на старшего партнера или говорите со мной. Договор аренды Сабины Ковалёвой проверит мой адвокат. Сейчас назовите номер дела, суд и дату предписания. Если у вас есть документ — направьте его, а не пугайте арендатора звонками. Я подожду.

Пауза. Слышно было только дыхание юриста на том конце провода. Потом щелчок отбоя.

Эдуард вернул мне телефон.

— Они блефовали, — сказал он. — Но теперь у тебя есть зонтик. Используй его правильно.

Он вышел. Дверь закрылась за ним бесшумно.

Я осталась одна в своем зале. Запах краски смешался с холодом, принесенным им с улицы. Я подошла к стойке ресепшена. Там, рядом с оставленной запиской Анатолия, лежала визитка Эдуарда.

Перевернула её.

На обороте, мелким, аккуратным почерком, было написано:

«Удачи, королева. П.С. Его коллекция застрахована на тебя. Я проверил.»

Я подняла глаза на незаполненную стену. Здесь повешу Репина — если сумею вернуть. Его карточку убрала в телефонный чехол: этот номер мне еще понадобится.

Глава 4

В «Метрополе» я выбрала место у колонны, чтобы видеть подиум и не попасть на первые снимки. Приглашение проверили дважды. Из зала не выгнали, но к Анатолию с Богданой фотограф уже подвел почти всех, кого я знала. В руке я держала бокал шампанского — не из лучших вин, а из тех, что льют рекой на таких мероприятиях, надеясь, что никто не станет разбираться в этикетках.

Официант подошел к нам с Богданой. Он наполнил бокал Богданы, а к моему даже не приблизил бутылку. Я наклонила бокал ему навстречу; официант уже отвернулся. Богдана это заметила — ее улыбку я увидела краем глаза. Горечь дешёвого вина осела на языке. Я сама взяла бокал с первого попавшегося подноса, лишь бы занять руки. Сейчас поставила бы его обратно, но пришлось бы пройти перед Богданой.

Анатолий вышел на подиум. Он подвинул микрофон поближе и нашел меня взглядом. Я шагнула чуть в сторону; он повернулся следом. Даже сейчас проверял, вижу ли я его рядом с моей картиной.

— Эта работа, — он коснулся рамы картины Репина, которую выставили рядом с ним, — символизирует мой успех. Я дарю её своей будущей жене как знак того, что прошлое осталось в прошлом. Навсегда.

Я перестала дышать на слове «дарю». Ремешок сумочки

натянулся между пальцами; отпустить его я пока не могла. На эту покупку ушли первые гонорары, и Толя тогда ворчал, что я трачу деньги на старье. Хотелось выкрикнуть: «Я купила ее, когда ты еще считал до зарплаты!» Я открыла рот и закрыла. К микрофону мне еще нужно пройти мимо Богданы. Она уже смотрела в мою сторону и улыбалась: давай, скажи что-нибудь про свои деньги. Потом она выложит это вместо снимка подаренной картины.

Богдана хихикнула. Смех разнесся по залу — микрофон подхватил его лучше, чем голос Толи. Она указала пальцем на потёртость на углу рамы — ту самую, которую я реставрировала сама, аккуратно снимая лак ватными дисками в три часа ночи, когда весь дом спал.

— Толь, она же выглядит старой! Может, мы её обновим? Или лучше новую купить? — она повернулась к залу, ища поддержки, провоцируя смех. Первым засмеялся Геннадий. Потом кто-то за колонной. Я запомнила голос: недавно он убеждал меня прийти и спокойно пожелать счастья.

Запах духов Богданы долетел до меня. Сладкий, тошнотворный, химически дешёвый. Угол этой рамы я чинила ночью, после выставки. Толя тогда ворчал из спальни, что свет мешает ему спать. Теперь молчал и давал Богдане смешить гостей.

Геннадий перестал смеяться на полуслове. Я тоже оглянулась: распахнулась входная дверь. У нее администратор поспешно отступил, пропуская высокого мужчину в темном

пальто.

Эдуард Готлиб вошёл.

Эдуард смотрел на Репина. На Богдану рядом с ним не отвлекся даже тогда, когда она перестала смеяться. Я уже знала: если ему понравилась вещь, первым делом он разглядит ее, а с людьми поздоровается позже. Рядом со мной кто-то поспешно убрал телефон. Анатолий выпрямился и потянулся к галстуку. Я впервые видела, чтобы ему пришлось поправляться перед чужим появлением. Эдуард подошел к первому ряду и взял номер у администратора. Толя проследил за табличкой, которую ему выдали.

Аукционист, молодой парень с бегающими глазами, начал объявлять старт торгов. Стартовая цена была заметно ниже рыночной. Я посмотрела на цену в каталоге и еще раз на подиум. Старт явно назначили под Толин круг покупателей. У двух его приятелей уже были таблички в руках. Зал молчал. Никто не поднимал номерную табличку, кроме нескольких приятелей Толика, которые изображали торг, зная, что финальная ставка будет смешной.

Я видела, как рука одного из этих приятелей уже тянется вверх. Если он купит, картина уйдёт в дом Богданы навсегда. В этот грязный, новый мир, где нет места памяти.

Деньги у меня были. Остаток средств, которые я берегла на галерею. Перебить ставку означало финансовое самоубийство. После такой покупки не останется на аренду, свет, первые зарплаты. Я знала это и всё равно сделала шаг. Репин

не должен уйти к Богдане. Позже разберусь с арендой; сейчас хотя бы попробую поднять ставку.

В этот момент другая рука поднялась выше. Я разглядела номер на табличке раньше, чем услышала цену.

Табличка Эдуарда Готлиба замерла в воздухе.

— Три миллиона евро, — сказал он.

Он произнес цену без микрофона, но аукционист попросил повторить. Эдуард повторил тем же тоном. Я посмотрела на таблички у Толиных друзей: обе лежали на коленях. Цена превышала стартовую в три раза. Рыночную — почти в два.

Я вспомнила наш первый разговор в лифте. Год назад, каких-нибудь десять секунд. Руки у меня были в краске; он посмотрел на них и сказал: «Вы пахнете скипидаром и правдой». Я тогда решила, что надо оттереть пальцы перед выходом. Сейчас с тем же спокойствием он называл три миллиона. К аукционисту я повернулась, чтобы убедиться: он услышал то же, что я.

Анатолий потянул микрофон к себе. Аукционист уже повторял ставку, но Толя перекрыл его голос: — Это семейная реликвия! Вы не имеете права...

Аукционист напомнил Анатолию, что тот сам передал работу на торги. Теперь нужно было перебить ставку. Толя посмотрел на одного приятеля, потом на другого. Оба опустили таблички. Анатолий беспомощно сжал кулаки, глядя на Эдуарда. В его глазах читалась не только ярость, но и страх. Ему теперь нужно было отвечать Эдуарду, а не мне. На улыбку

жениха уже не получилось сослаться: цена прозвучала дважды, и аукционист ждал следующей ставки.

Я чувствовала, как внутри меня что-то щёлкает. Страх уходил, растворяясь в странном, почти болезненном чувстве благодарности. И одновременно тревоги. Почему он это делает? За что? Мы встретились вчера в моей галерее. Но одно дело — остановить телефонную угрозу, другое — выложить три миллиона. Зачем платить такие деньги за чужую месть?

Эдуард поймал мой взгляд и слегка наклонил голову: всё в порядке? Я кивнула, хотя бокал в руке пришлось поставить на стол. Его спокойствие сейчас сердило меня почти так же сильно, как спасало.

Молоток упал. Тук.

Лот продан.

Аплодисменты были вежливыми, сдержанными. Геннадий хлопал громче остальных. Я невольно посмотрела на него: успел, значит, перестроиться.

Эдуард подозвал администратора. Подписал поданную им форму, затем подошел к подиуму и с разрешения аукциониста взял картину в руки — легко, будто она весила перьевую подушку — и развернулся ко мне. Гости пропустили его вместе с картиной. Я подумала, что он идет к администратору у колонны, но Эдуард остановился передо мной. Пришлось поднять голову от рамы.

У меня рядом кто-то вытянул телефон повыше. Богдана остановилась на полпути с подиума. Я смотрела на раму и

никак не могла понять, что сейчас нужно сказать Эдуарду.

Он протянул мне холст.

Он остановился рядом со мной и сказал негромко. Ближайшие гости слышали; остальные потянулись вперед, пытаясь разобрать слова:

— Картина скучала по хозяйке. Пусть идёт домой.

Я взяла холст. Пальцы дрожали. Рама была тёплой от его рук.

Я держала раму обеими руками. У знакомой потёртости большой палец лег точно в углубление. Домой. Он сказал это так, будто картина могла выбирать и выбрала меня. Я хотела поблагодарить, но сначала пришлось сглотнуть.

Уже поднялись телефоны. Завтра эти снимки будут везде: его руки на раме, мои рядом. Что я скажу, когда меня спросят, чем заплатила за такой подарок?

Анатолий смотрел на нас. Его лицо исказилось гримасой унижения. Он хотел сказать что-то, бросить колкость, но слова застряли в горле. Богдана плакала, но не от обиды, а от злости на то, что её «подарок» увели.

Эдуард развернулся и пошёл к выходу. Он оставил меня одну посреди зала. Среди аплодисментов, которые теперь звучали иначе — восхищённо, завистливо, любопытно. Геннадий сделал шаг ко мне, но передумал. Валентина уже снимала крупно картину, стараясь поймать и мое лицо. Я прижала раму повыше: хотя бы половину снимка она закроет.

На выходе он обернулся. Один раз. Через плечо. Его глаза

нашли мои сквозь толпу.

— Завтра в десять. У меня есть предложение, которое ты не сможешь отвергнуть. Хотя бы ради этой рамы.

И исчез.

Я осталась стоять посреди зала, держа в руках холст. Руки устали от рамы, но передать ее администратору я пока не могла. Прижала картину к себе и достала телефон. Завтра в десять. Нужно хотя бы выяснить, чего он хочет.

Глава 5

Часы на телефоне показывали без десяти восемь. Через десять минут я должна была встретить первых гостей.

— Сабина Аркадьевна, я не могу включить свет. Подрядчик говорил торопливо и уже назвал новую сумму, прежде чем я успела спросить, в чем дело. — Рынок встал. Срочность — двойной тариф. Или мы отключаем все прожекторы, и вы открываете галерею в темноте, или платите вдвое больше. Сейчас.

Я стояла посреди главного зала, где стены пахли свежей краской, а у дальней стены лежали пустые транспортные ящики. Вокруг уже сустились официанты, расставляя бокалы с шампанским. Слышно было, как ставят каждую ножку на стол, — музыки еще не включили. Я посмотрела на прожекторы. За их монтаж уже заплачено. Сейчас Валера хотел получить еще столько же просто потому, что до прихода гостей десять минут.

— Валера, — произнесла я тихо, прижимая телефон к уху так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Ты сейчас включишь этот свет. По цене в договоре. А если через десять минут хоть одна лампа не горит, я позвоню своему куратору. И ты никогда, слышишь, никогда больше не получишь заказа ни от одного музея, ни от одной частной коллекции в этом городе. Твоё имя будет в черном списке до конца твоих дней.

Валера замолчал. На фоне что-то загремело; я надеялась, он наконец добрался до щитка, а не продолжает считать мою доплату.

— Пять минут, Сабина Аркадьевна.

— Три.

Я отключилась. Руки дрожали, но я спрятала их в карманы своего платья — глубокого изумрудного шелка, который Анатолий когда-то назвал «слишком дорогим для жены банкира». Я пригладила юбку: на этом платье дрожь пальцев была заметнее, чем на темном костюме. Но переодеваться уже поздно.

Лиза открыла дверь первым гостям. Платье Марты Львовны в аварийном свете казалось черным вместо синего. Еще несколько человек остановились у входа, оглядывая экспозицию. Проекторы обещали включить через три минуты; я улыбалась и рассказывала, как пройти к гардеробу, лишь бы пока не спрашивали о картинах.

И тут в дверях появился он. Высокий, в дешевом сером пиджаке, с наглой улыбкой на лице. В списке его не было. Лиза у входа листала планшет, пытаясь найти фамилию.

— Ну и мазня, — громогласно сказал он, проходя мимо витрины с эскизами. Он выбрал минуту, когда официант перестал разливать вино и разговоры у витрины стихли. — За такие деньги я бы сам покрасил забор. Бывшая жена Ковалева, играющая в богему? Смешно.

Зал замер. Кто-то хихикнул. Я узнала смешок одного из

Толиных друзей. Марта Львовна повернулась ко мне. Геннадий тоже был здесь — опять наблюдал со стаканом в руке. За одним столом уже замолчали. Теперь всем интересно, стану ли я оправдываться перед незванным мужчиной.

Я поставила бокал на ближайший столик. Шампанское плеснулось, оставив на белой скатерти мокрое пятно. Я подошла к мужчине вплотную. Он был выше меня на голову, пах дешевым табаком; он ждал, пока я остановлюсь перед ним. Я взяла со стола второй бокал, подняла его так, чтобы лунный свет из окна ударил в пузырьки, и посмотрела ему прямо в зрачки.

— Мазня стоит дешево, — произнесла я четко, чтобы расслышали и его приятели. — Искусство стоит дорого. Вы здесь потому, что вам не хватает ни того, ни другого.

Он оглянулся на своих друзей. Те молчали. Я ждала ответа, держа бокал у груди; за моей спиной кто-то тихо засмеялся. Мужчина буркнул что-то про отсутствие вкуса и отступил к дверям. На дорожке зацепился носком туфли, выругался и вышел, уже не глядя на картины.

Щелкнули реле. Над первой картиной включился свет, следом над второй. Я посмотрела на портрет: теперь были видны глаза, а не только темное пятно у воротника. Валера сдержал обещание. Можно начинать показ.

Позже центральный лот — полотно неизвестного художника блокадного Ленинграда — висело в углу, окруженное группой людей. Марта Львовна, главная коллекционерша го-

рода, смотрела на картину с сомнением. Она крутила в пальцах нитку жемчуга, нервно перебирая бусины.

— Сабина, это красиво, — сказала она сухо. — Но ходят слухи, что эта галерея — просто способ вернуть бывшему мужу его имущество через третьих лиц. Домашняя поделка разведенной жены. Я не хочу рисковать репутацией.

Я не стала спорить. Я не стала оправдываться. Я достала из папки желтоватый лист бумаги, пахнувший пылью архивов.

— Посмотрите не на холст, Марта Львовна, — я положила сертификат перед ней. — Посмотрите на историю. Этот художник спрятал эту работу под половицей своей квартиры в декабре сорок третьего. Чтобы не сжечь дровами зимой. Он умер от голода через неделю после написания картины. Но картина выжила. Она прошла через три границы, через два пожара и один развод. Здесь есть письма его сестры. Посмотрите: она пишет, как вывозила полотно в свернутом одеяле. Мы передаем их вместе с картиной. На вашей следующей выставке можно показать и их — тогда зрители узнают не только имя художника.

Марта Львовна молчала долго. Слишком долго. Потом она медленно сняла перчатку и коснулась рамки картины. Кончиками пальцев.

— Упакуйте, — приказала она. — Лично.

Отдала Лизе папку с письмами и попросила положить сверху на упаковку. Углы рамы закрыла сама; Марта Львов-

на стояла рядом и смотрела, как я загибаю защитную бумагу. Когда я завязывала последнюю ленту, пальцы были липкими от клея и волнения. Клиентка забрала коробку, кивнула мне и ушла. Лиза показала мне подтверждение оплаты. Я перечитала сумму и позволила себе улыбнуться. Проекторы теперь точно не заберут: даже если Валера вздумает шантажировать меня второй раз.

Телефон завибрировал в кармане. SMS от номера, который я знала наизусть. «Тебе не хватит света, чтобы затмить мою свадьбу. Жди проблем».

Я прикрыла экран ладонью. В ответ могла бы послать подтверждение продажи, но тогда он начнет звонить. Удалила сообщение и вернулась к каталогу. Толя сегодня здесь ничего не купил, к вечеру отношения не имеет.

Мне нужно было вдохнуть. Я вышла на балкон галереи. На балконе было холодно. Я придержала юбку и отступила от перил, чтобы ветер не лез под подол. Внизу машина остановилась у перехода; из галереи опять потянуло музыкой.

За спиной скрипнула балконная дверь. Кто-то вышел, но не заговорил. Я обернулась.

Эдуард Готлиб стоял в тени колонны. Он не держал бокала. Он не улыбался. Он посмотрел на пустой бокал у меня в руке. Я уже собралась сказать, что почти не пила, и разозлилась на себя. С какой стати мне объясняться перед ним?

— Красиво, — сказал он. Голос низкий, бархатный, вибрирующий где-то в груди. — Но пусто.

Он прошел мимо меня внутрь. Один гость придержал для него дверь; другой отодвинул стул, освобождая проход. Я последовала за ним, чувствуя, как мышцы спины напрягаются.

Готлиб остановился перед дальней стеной. Там не висело ничего. Только белая штукатурка, гладкая и холодная. Эта стена была зарезервирована мной под будущие проекты, под экспозиции, которые еще только родятся в голове.

— Здесь будет висеть то, что ты найдешь после меня, — произнес он, не поворачивая головы.

Я замерла. После меня. Он сказал это про наш договор или про то, что останется, когда ему наскучит? Я подняла глаза от пустой стены.

— Что это значит? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Это прогноз, Сабина. — Он наконец повернулся. Он смотрел прямо на меня и, похоже, вполне понимал, что я услышала в его словах. — Завтра в десять, как договорились, покажу условия. У моего концерна есть проект реставрации исторических фасадов. Нужен человек, который подберет художников и будет отвечать за выставку эскизов. Металл и производство — наши. Ваша галерея станет витриной проекта.

— Почему мне? — спросила я. — У вас есть сотни поставщиков.

— Потому что вы не торгуетесь о людях. И я тоже.

Он протянул мне визитку. На плотной бумаге было вы-

давлено только имя и номер телефона. Никаких должностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.